

Поиск национальной идентичности как основной вектор развития романтизма

Л. В. ФЕДОТОВА

(АРМАВИРСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ)*

В статье показано, что в эпоху романтизма осуществляется становление национальной идентичности. Это обусловлено завершением строительства наций и национальной культуры. Для романтиков национальная специфика в значительной степени маркировалась этнокультурными особенностями.

Ключевые слова: романтизм, литература, национальная культура, этническая культура, локально-специфическое, универсальное, идентичность.

The Search for National Identity as the Main Vector of Romanticism Development

L. V. FEDOTOVA

(ARMAVIR LINGUISTIC SOCIAL INSTITUTE)

It is shown in the article that national identity formation occurred during the epoch of romanticism. This was caused by consummation of construction of nations and national culture. For romanticists the national specific character was substantially marked by ethnocultural features.

Keywords: Romanticism, literature, national culture, ethnic culture, locally-specific, universal, identity.

Эпоха романтизма знаменуется формированием идеи множественности культур, их принципиальной отличности друг от друга и специфичности каждой из них. Именно немецкие романтики первыми проявили заинтересованность в изучении национальных культур и обосновали необходимость возвращения к истокам, что привело к появлению такой новой области научного исследования, как этнография. Для романтиков народная культура воспринималась в качестве культуры уникальной, принимающей своеобразные формы в границах различных культурных миров, что принципиальным образом противостояло просвещенческой идее универсализма. Народ для романтиков становился уникальным носителем ценностей национальной культурной традиции, способным к воспроизводству установленных опытом предыдущих поколений социальных и культурных форм. Этого носителя традиционных ценностей романтики идеализировали, противопоставляя ему прежде всего

просвещенного представителя цивилизации, стремящегося посредством разума к генерализации всех жизненных форм, игнорирующего и подвергающего обструкции все особенное.

Романтизм вступал в активную дискуссию с классицизмом, оценивавшим типическое выше индивидуального и ориентировавшимся на типично просвещенческую категорию меры, сопрягающуюся с категорией нормы. Нарушение меры выступает как основной вид конфликта, характерный как для трагического, так и для комического его преломления. Инструментом же меры становится разум, обеспечивающий господство в нем «высшего порядка». Иллюстрацией подобного отношения к типизации и индивидуализации стали строки Н. Буало:

Иной строчит стихи как бы охвачен бредом:
Ему порядок чужд и здравый смысл неведом.
Чудовищной строкой он доказать спешит,
Что думать так, как все, его душе претит.
Не следуйте ему...

* Федотова Линда Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета лингвистики Армавирского лингвистического социального института. Тел.: +7 (6137) 5-63-94. Эл. адрес: alu@itech.ru

Придется одолеть преграды на пути,
Намеченной тропы придерживаясь строго:
Порой у разума всего одна дорога...

Эти строки свидетельствуют о том, что в классицизме краске с явной степенью превосходства противопоставлялась форма, оригинальному — типическое.

В своем стремлении к индивидуальному романтики и пришли к народному творчеству, увидев в нем то специфическое, что выделяет народы, что придает особость всему, что связывается с традицией. Именно поэтому романтики стремились, по мнению Н. Берковского, «определить лицо эпох, наций, культур и прежде всего и более всего — лицо нового времени в особых, ему свойственных чертах» (Берковский, 1973: 64). В этом смысле можно говорить о том, что романтики впервые осознали исторический процесс как культурный. Как отмечает Ф. Степун, «Индия, Греция, Рим, Средневековье, Возрождение, немецкий идеализм — все эти периоды не в историческом, а в культурном смысле, конечно, открыты, очерчены, оценены и сопоставлены впервые романтизмом. Французы, немцы, англичане, итальянцы, испанцы, греки превращены романтизмом раз и навсегда из природного этнографического материала в основные начала историко-культурного порядка» (Степун, 1910). Открыв и легитимировав пласт народной культуры, романтики его интуитивно уравнивали в значении с пластом профессиональной, высокой культуры, который воспринимался до этого в качестве единственного, по праву представляющего от лица культуры в целом.

Вместе с тем концепции Ф. Шлегеля, Ф. Шеллинга и Ф. Новалиса отражают и иной аспект романтического сознания. С одной стороны, романтики восторженно принимали национальный фольклор, проявляли неподдельный интерес к старинным средневековым сказаниям и балладам — к эпосу кельтских бардов, к старинному скандинавскому эпосу («Эдда»), к французскому эпосу («Песнь о Роланде»), к средневековому

немецкому эпосу («Песнь о нибелунгах»), воссоздавали особенности национального музыкального мышления (у Шопена — польского, у Листа и Брамса — венгерского, у Грига — норвежского), уделяли значительное внимание собиранию народных сказок братья Grimm, огромной популярностью пользовалась книга народных песен Арнима и Brentано «Волшебный рог мальчика». С другой стороны, народ воспринимался романтиками не только как творец национально-своеобразной культуры, но и как стихийная сила, способная разрушить элитарную культуру (Костина, 2009: 97).

Так, Г. Гейне, болезненно реагирующий на возможное внедрение социального проекта К. Маркса в общественную практику, писал в 1854 г.: «Со страхом и ужасом я думаю о той поре, когда эти мрачные иконоборцы станут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления разобьют мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу. Они уничтожат все те безделушки и мишуру искусства, которые были так милы поэту. Они вырубят мою лавровую рощу и на ее место посадят картофель... и — увы! — из моей «Книги песен» лавочник сделает мешочков и будет в них развешивать кофе и табак» (цит. по: Бухарин, 1988: 370–371). Конечно, здесь необходимо иметь в виду, что высказывания подобного рода, безусловно, означали не критику народа с его уходящей в века культурой, а болезненную реакцию на вымирание патриархальной культуры, развитие промышленных отношений, где новая буржуазия, не обладающая нравственностью народа, будет определять развитие одной из великих европейских культур.

Это активное неприятие реальности, прежде всего социальной, приводит к стремлению ухода от нее — бегства в экзотические страны, куда не проникла еще промышленная революция, — такой страной становится Испания с ее национальными традициями и фольклором, с красочными обрядами и свободными нравами, воспетая Мериме. Такими странами становятся Норвегия, вос-

петая Григом, Польша, опозитизированная Шопеном, Венгрия, раскрывшая свою специфику у Листа и Брамса.

Неприятие реальности вызывает и стремление художника к уединению в сфере чистого вымысла — в грезах, фантазиях, гофманианских видениях. Активный отказ от действительности выражается и в уходе художника в историческое прошлое. Естественно, что той эпохой, которая становится для романтиков образцом, выступает не Античность, обладающая классицистской выверенностью и нормативностью, а Средневековье. Для романтиков начинают представлять огромный интерес старинные замки, руины, соборы, башни, мощные и энергичные люди, не знающие страха и сомнения. Для художников-романтиков с их «разорванностью сознания» и мятущейся, сомневающейся натурой эти цельные личности, отличающиеся героизмом, бесстрашием, отсутствием сомнений, оказались необычайно привлекательными.

Именно здесь кроется причина повышенного интереса романтиков не к античному эпосу, не к «Илиаде» Гомера и не к «Энеиде» Вергилия, а к средневековому.

Эти сказания становятся основанием для поисков той национально-культурной идентичности, которая представляется для них гораздо более важной составляющей самоощущения романтиков, чем «всемирность» и принадлежность к общечеловеческой культуре.

Теория идентичности есть порождение XX в., а сам термин «идентичность» появился в научной литературе достаточно поздно. В 1940-е годы термины «идентичность», «кризис идентичности» были предложены Э. Эриксоном, в 60–70-е годы двадцатого столетия термины становятся необычайно популярными. Проблема идентичности, как подчеркивают многие известные отечественные и зарубежные ученые (А. Гидденс, М. Н. Губогло, М. Заваллонни, Б. Шеффер, Л. М. Дробижева, А. И. Донцов, и Л. А. Петровская, К. Б. Соколов, С. Хантингтон, В. А. Тишков, Дж. Хафф и др.), представляет

собой важнейшую научную проблему, ибо идентификация индивида с национальной общностью, определение им себя как гражданина определенной страны, принятие им базовых ценностей национальной культуры самым непосредственным образом связаны со стабильностью социальной системы, с темпами ее движения по пути социального прогресса.

Обращая внимание на этот момент, П. Бергман и Т. Лукман подчеркивают, что общество — это резервуар типичных идентичностей, которые конструируют определенным образом реальность и предлагают индивидам адекватные способы поведения в зависимости от тех условий, в которых они находятся. Несмотря на современность проблемы, в философии проблема идентичности в ее различных аспектах в явном или латентном виде существовала со времен Античности. Это позволяет вполне обоснованно употреблять это понятие в контексте проблемы формирования национального самосознания в эпоху романтизма, которая и является центральной для данного исследования.

Обращаясь к этому понятию, мы различаем его применение в разных областях науки, где его значения существенно изменяются. Так, в рамках психологии идентичность воспринимается как выражение внутренних процессов, как часть «персоны»; в границах социологии идентичность означает комплекс статусов и ролей, которые выполняет индивид в социуме в соответствии с полом, расой, профессией, социальным и экономическим статусом, образовательным уровнем и т. п.; для философии более важным представляется вопрос относительно сущности «Я», связанной с ее нормативным образом, с вопросом об идеалах, ценностях, способах внутренней самореализации.

В данном исследовании доминирует культурологический подход, а само понятие «идентичность» используется в значении относительной устойчивости индивидуальных, социокультурных, национально-этнических, цивилизационных параметров, выступающих

основой самоидентичности и общественных образований, и личности. Поскольку нас интересует в первую очередь национальная идентичность, постольку представляется необходимым анализ этого понятия в приложении к указанной проблематике.

Сразу отметим, что в современной литературе понятие «национального» имеет несколько трактовок, где доминирующими являются два подхода: в первом «национальное» соотносится с этническим, во втором — с гражданским. Наиболее влиятельными учеными, придерживающимися первого подхода — «примордиалистского» (от англ. *primordial* — изначальный, исходный) — и внесшими существенный вклад в его разработку, являются К. Гирц, Ю. В. Бромлей, Э. Смит, Р. Гамбино, У. Коннор, Э. Стюарт, П. Ван ден Берге. В рамках этого подхода нация рассматривается как «высшая форма этнической общности людей, возникшая... в эпоху формирования буржуазных отношений» (Кравченко и др., 1997: 251–253). Сразу оговоримся, что понимание нации как стадии развития этноса не позволяет выделить ее качественные характеристики. Поэтому часто авторы опираются на понимание нации как гражданской, а не историко-генетической общности.

Важно подчеркнуть, что сами буржуазные нации появляются приблизительно в XVIII в., что связано, по мнению известного британского историка Э. Смита, с «тройственной революцией» (Smith, 1986: 129–138, 141, 149–150), повлекшей существенные сдвиги в индустриальной экономике и торговых-промышленных отношениях, рост просвещения и развитие институтов гражданского общества. В концепции британского обществоведа Э. Геллнера становление наций и национальной культуры рассматривается как результат целенаправленной деятельности государства, проявляющийся в наибольшей степени в сфере просвещения и образования в эпоху индустриализации (Геллнер, 1991), в концепции Б. Андерсона — как результат секуляризации общественной жизни, воздействия «печатного капита-

лизма» и распространения грамотности (Anderson, 1983), в работах У. Коннора этот процесс увязывается с историко-культурным развитием в условиях модернизации. Для К. Дойча наиболее существенным аспектом становления наций и национальной культуры становится развитие коммуникаций в пределах этнокультурных ареалов (Deutsch, 1979). Как отмечают Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон, социальными предпосылками возникновения национальных культур стали разрушение сословной дифференциации общества и доминирование общенациональных социокультурных стандартов (Хелд и др., 2004: 397–398).

Фактически именно в Новое время складываются условия для формирования ярко выраженных специфических свойств и принципиально новых компонентов этнического самосознания (Крюков, 1986: 69). Этот период выступает как принципиально новый для развития этний. Ни в эпоху первобытности, в которую складываются архаические общности с низким уровнем выраженности этнического самосознания, что часто проявляется в отсутствии самоназваний; ни в эпоху рабовладения, когда доминировали принципы разделения людей на «нас» и «варваров»; ни в эпоху Средневековья, когда этнические связи вытеснялись социальными связями, не было соответствующих условий для развития национально-этнического самосознания. Оно начинает отчетливо проявлять себя уже в XVIII в., но особенно отчетливо проявляет себя — причем уже на уровне рефлексии — в начале XIX в.

В это время складывается достаточно специфическая ситуация. С одной стороны, именно в XVIII в. начинают формироваться европейские нации как сообщества, прежде всего гражданские, и соответственно национальные культуры. С другой стороны, в эту же эпоху происходит развитие народов и этносов и соответственно этнических культур. Однако специфика ситуации состоит в том, что в это время народ и нация фактически воспринимаются как синонимы. Это связа-

но, во-первых, с достаточной локальностью европейских государств, где этносы внутри наций только начинают осмысливать свою культурную самостоятельность и особость. Это в XX в. станет очевидным различие эльзасской, баскской, бретонской, каталонской, фламандской и многих других этнических культур, включенных в национальную культуру Франции. Это для XX в. станут характерными формы фламандского этнонационализма в Бельгии, шотландского и валлийского — в Великобритании, франко-канадского — в Канаде.

А в начале XIX в. национальная культура в значительной степени рассматривалась не только как гражданская общность, но и как общность народная, связанная с традициями и историей. Именно это обстоятельство позволяет нам говорить о том, что национальная идентичность — в приложении к эпохе романтизма — это идентичность, образуемая при помощи сочетания самых разных факторов — от этнонациональных до гражданских.

Характерно, что именно обстоятельства, связанные с формированием наций и активизацией этносов, и образуют тот фон, который приводит к актуализации проблемы идентичности в эпоху романтизма, как в период крупномасштабных общественных перемен, отличающийся переосмыслением основ функционирования социокультурных систем. Лишение людей испытанных образцов жизнедеятельности и надежных ориентиров приводит к формированию у них чувства неуверенности в будущем, чувства потерянности и исторической фрустрации. Именно в такие периоды человек начинает нуждаться в стабильных, проверенных опытом образцах поведения, упорядочивающих их современный опыт. Поиск идентичности приводит человека к идеализации прошлого как наиболее стабильного и не поддающегося изменениям.

Представляется важным, что поиски национальной идентичности в первой половине XIX в. из всех европейских стран характерны в большей степени для Германии.

В значительной степени это связано с тем, что во Франции и Германии доминировали совершенно различные установки на восприятие развития общества — соответственно социоцентристская и культурцентристская. Во Франции центральным стало понятие общества, воспринимаемого в специфическом нормативном ракурсе, а культура отождествлялась с цивилизацией, в Германии же в качестве системообразующей категории выступало понятие культуры, которая понималась прежде всего как область развития свободного самотворящего духа.

Не случайно именно в Германии появилась идея множественности культур, их специфичности и принципиальной отличности каждой из них от всех прочих, именно немецкие романтики первыми проявили интерес к национальным особенностям культур и обосновали необходимость возвращения к истокам, что привело к появлению такой новой области научного исследования, как этнография. Романтики концептуализировали статус особого, обратив внимание на мир Востока, разрушая европоцентристские установки, столь характерные для французских просветителей, а историю мыслили исключительно как историю исканий творческого духа.

Таким образом, можно заключить, что ситуация поисков национальной идентичности складывается в Европе в эпоху романтизма, когда универсалистские устремления Просвещения перестают соответствовать реальному развитию человека, общества и культуры. Романтики формулируют мысль о том, что разум не может ответить на все вопросы истории, что индивидуальность, которая проявляется и в человеке, и в культуре, гораздо значимее соответствия стандарту, пусть и носящему характер образца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берковский, Н. Я. (1973) Романтизм в Германии. Л.

Бухарин, Н. И. (1988) Ленинизм и проблемы культурной революции // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.

- Геллнер, Э. (1991) Нации и национализм / пер с англ. Т. В. Бердиковой и М. К. Тюнькиной. М.
- Костина, А. В. (2009) Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования. М. : Изд-во ЛКИ.
- Кравченко, С. А., Мнацаканян, М. О., Покровский, Н. Е. (1997) Социология : Парадигмы и темы. М.
- Крюков, М. В. (1986) Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. №3.
- Степун, Ф. А. (1910) Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Логос. Кн. I. М.
- Хелд, Д. (2004) Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. М. : Праксис.
- Anderson, B. (1983) Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso.
- Deutsch, K. W. (1979) Tides among Nations. New York : Free Press.
- Smith, A. D. (1986) The Ethnic Origins of Nations. Oxford ; New York : Basil Blackwell.